

Часть 1

Место под солнцем

Глава 1.

Охотники и жертвы.

Сильный - тот, кто ест,

слабый - тот, кого едят.

Старинная японская поговорка.

Я лежал в переплетении ветвей невысокого дерева уже больше двух часов, но до сих пор ничего подходящего не видел. Нет, за это время к маленькому лесному ручью подходило множество животных. Но я не смог бы справиться с хищниками, даже мелкие твари вроде крупных лисиц могли меня серьёзно ранить. А лекарей в племени нет. Да что лекарей, если кто-нибудь получал серьёзную травму, его в лучшем случае просто перестали бы кормить, а в худшем... Нет, о таком лучше не думать.

Вот уже два года как я родился в этом мире. Вы спросите, что делает двухлетний карапуз на охоте? Так мне "повезло" родиться не совсем человеком, вернее совсем не человеком. Само название нашей расы гуруки, переводился как лазутчик, но все остальные называют нас гоблинами. Гоблины, на мой, всё ещё человеческий вкус, выглядели весьма уродливо: зелёная кожа, маленькие глаза, глубоко упрятанные в череп, выступающие вперёд надбровные дуги, массивная челюсть и торчащие клыки. Самый высокий гoblin был по грудь среднему человеку, вернее по грудь рабу-человеку. Я мог сравнивать только с ним, поскольку других людей за свои два года не видел. Гоблины растут крайне быстро, когда мне исполнилось сорок дней, у меня уже выросли зубы, и я смог есть нормальную пищу, когда я прожил ещё тридцать, я научился нормально ходить, в полгода я был вполне дееспособным подростком. Местный год, кстати, почти не отличался от земного и длился 365-ять дней. Племя, в котором я родился, жило в большой земляной норе, вырытой под выворотнем от упавшего гигантского дерева. Все племя жило вместе, в единственном общем помещении, исключений было только два: у чародея [02] и вождя были свои отнорки.

В лихие девяностые мне приходилось общаться, а порой и "работать", с явными отморозками и беспредельщиками, но все они, не шли ни в какое сравнение с моими соплеменниками. Год назад, во время сильного голода, племя, съевшее всех извечных гoblinских спутников - крыс, принялось за каннибализм, первым съели раба человека, имени которого я так и не узнал, а потом воины племени поубивали самых слабых, мне тогда чудом удалось отстоять право на жизнь...

* * *

...Я сидел, прислонившись спиной к стене норы - дома нашего племени, и пытался хоть как-нибудь заточить самодельный каменный топор. У моих соплеменников не было ремесленников,

любой гоблин гордо заявит, что всё необходимое можно отнять у других, а всю работу кроме набегов должны выполнять рабы. Поэтому единственный способ получить одежду или оружие было отнять их силой. По правде говоря, короткие гоблинские пальцы с сильно загнутыми когтями и обладающие только одним суставом и только двумя фалангами, действительно мало подходили к какой-либо тонкой работе, и криво сделанный каменный топор был плодом моего упорства, а не мастерства.

От оружия меня отвлекли крики раба племени. Когда я поднял на него взгляд, всё уже было кончено. Вождь, самый большой и сильный гоблин в племени, уже убил человека и вспарывал ему живот.

- Племя голодает, и не может больше кормить слабых, но самые никчёмные сегодня спасут племя. Воины, возьмите жизни слабых, чтобы племя стало сильнее. - Прорычал вождь, и начал жадно жрать кусок тёмного мяса, вытащенный из живота раба.

И начался кошмар, все взрослое мужское население племени, схватилось за оружие, и кинулось на стариков и детей племени. Ко мне побежали двое "воинов". Один был вооружен длинным ржавым кинжалом, казавшимся в его руках полноценным мечом, и был одет в рвань, которую носили почти все гоблины. Второй носил криво переделанную под его рост кожаную одежду, и был вооружен копьем с наконечником из дрянного железа, ещё несколько копий торчали из торбы у него за спиной.

Видя, что один готовится бросить копье в меня, я не вставая, перекатом, ушёл влево, сжимая в правой руке "топор", а в левой "точильный камень". В место, где я сидел мгновение назад прилетело копье. Пока один гоблин доставал новое копье из наспинной торбы, я кинулся на второго, стремясь закрыться им от нового броска. Кинув на бегу то, что я использовал как точильный камень, я заставил гоблина, вооружённого кинжалом, рефлекторно отшатнуться и, защитив лицо, перекрыть себе обзор, не зря я так много тренировался в метании камней. Рванув, так что жилы в ногах зазвенели, я оказался вплотную к этому гоблину. И, не обращая внимание на просвистевшие у меня за спиной копья, я изо всех сил ударил каменным топором по кисти, сжимающей рукоять кинжала. Подхватив левой рукой падающий кинжал, я сделал шаг, закрыв при помощи скулящего и пятившегося гоблина обзор метателю копий, и нанёс удар топором по колену моей жертвы. Пользуясь тем, что мой противник не мог больше отступать, я подбежал вплотную и, воткнув ему в грудь его же кинжал, смог взвалить уже мертвое тело на себя и прикрываясь им как щитом, побежал к копейщику. Почувствовав два удара в свой "щит", я откинул своего мертвого врага в сторону. У гоблина было всего шесть копий, одно он кинул в самом начале, второе во время моего бега к его напарнику, третье во время моей схватки с гоблином, ещё два сейчас. Конечно, был шанс, что он метнет и последнее, но ни один гоблин никогда не останется безоружным, даже в окружении своего племени, только теперь я начал понимать причину этой привычки. Я оказался прав, гоблин не стал метать своё единственное оставшееся оружие, он попытался убить меня в ближнем бою. От двух выпадов я уклонился, а при третьем достал своего противника. Я отбил удар копья топором в правой руке, а кинжалом в левой уколол по кисти противника, заставив её отпустить оружие. Гоблин не смог одной рукой удержать копье после моего удара каменным топором, и лишившись оружия, попытался отпрыгнуть и разорвать дистанцию, но запнулся о топор, брошенный ему в ноги, и получил удар кинжалом в бок.

Не теряя времени даром, я быстро подхватил наконечник сломанного копья и побежал подбирать метательные копья. В мою сторону уже бежали три воина племени, они были из дюжины лучших бойцов, у них даже были ржавые кольчуги - невероятная роскошь по меркам племени. Собрав все метательные снаряды я приготовился подороже отдать свою жизнь, ведь копья я никогда не метал и вряд ли смог бы убить даже одного из подошедших воинов.

- Похоже, в нашем племени растёт великий воин, - произнёс старший воин. - У тебя ведь ещё нет имени?

- Нет, Губгур.

- Что ж, теперь ты Урбагар. Но имя не делает тебя воином, ты победил и все вещи побеждённых теперь твои, но племя не станет кормить того, кто не принес ничего в племя. Так что желаю тебе пережить голод, сегодня тебя больше не будут пытаться съесть. - Произнеся это, Губгур развернулся и пошёл к отнорку вождя, возле которого уже разворачивался "пир", его воины тащили убитых, оставив всю их одежду на месте.

Только после последних слов я понял смысл происходящего. Окинув взглядом нору, я увидел, что все гоблины разделились на тех, кто ест и тех, кого едят. Несмотря на жизнь в изнеженном цивилизацией обществе, я всегда считал себя человеком без предрассудков. Я вполне мог понять каннибализм, когда воины победители съедают павших врагов, победителей не судят, а проигравшие не имеют права на сострадание. Я мог понять, когда в условиях голода едят погибших. Но, вогнать нож в спину товарищу, или убить самку, с которой коротал ночь, потому что рассматриваешь их как кусок мяса, это было выше моего понимания. Поняв, что не могу находиться здесь, и, преодолев брезгливость, я нацепил на себя одежду обоих убитых мной гоблинов, надев торбу, в которую засунул все оставшееся копья и пошёл к выходу из норы.

В тот раз я смог добыть еду и выжить, не смотря на лютую зиму. Но мне пришлось вернуться в племя, гоблины были единственными разумными, которых я знал, а обустроить жильё самостоятельно я был не в силах...

* * *

От воспоминаний меня отвлекло появление у водопоя стада оленей. Прицелившись в самого маленького оленёнка, я метнул копье. Долгие тренировки не прошли даром, и широкий наконечник чиркнул моей жертве по шее, перерезав её почти до позвоночника. Моя добыча упала, успев сделать лишь один шаг, и окрасила воды ручья в красный.

"Кажется, на ближайшие дни пищи хватит. Интересно, почему оленёнка мне жалко больше чем соплеменников убитых мной год назад."

Спрыгнув с дерева, я наскоро спустил у добычи кровь и смыл её со шкуры жертвы в ручье, затем я натер рану оленёнка резко пахнущей травой, чтобы сбить запах крови. Прodelав все эти манипуляции, я бросил результат охоты на припрятанную ранее волокушу, сделанную откровенно коряво, и потащил свой груз в сторону норы, где обитало моё племя. В течение последних пары недель, сразу после начала сильных холодов, я принялся подкармливать своих сородичей, не то чтобы я беспокоился о них, просто они были единственными разумными, которых я знал, прожить в лесу в одиночку я бы не смог, а видеть каннибализм ещё раз мне совсем не хотелось.

Я был, конечно, не единственным охотником в племени, но я уходил охотиться дальше остальных, к тому же в одиночку.

Племя встретило меня радостно. Гоблины накинулись на тушу оленя, не заботясь о такой мелочи как огонь и столовые приборы. Первыми ели Вождь и Чародей, потом лучшие воины племени и ученик чародея, затем остальные воины и самки (ни смотря на прожитые два года в теле гоблина, не могу назвать их женщинами), и только за ними все остальные, причем последовательность в каждой группе определялась только силой. Мне, как охотнику никаких

поблажек не полагалось, и есть я должен был в самом конце, к счастью я уже перекусил пойманной белкой.

- Вижу, ты опять накормил племя, - пробасил утоливший голод Вождь. - Через несколько дней лучшие воины уйдут за добычей, идут лишь те, кто смог пережить две зимы. Урбагар доказал своё умение, и он пойдет с нами.

* * *

Я опять сидел в засаде, только на этот раз охотится я, должен был, не на животных. Недалеко от меня расположились воины племени, и теперь я понимал, почему гоблины такие скверные охотники. Дело в том, что гоблины были почти не способны спокойно усидеть на месте, они постоянно дрались, спорили, или в лучшем случае, храпели. Любой зверь знал бы о "затаившихся" воинах ещё за сотню метров. И единственный способ охоты, который приносил пользу, был загон зверей на заранее подготовленные ловушки, вроде ям с кольями. Но охотиться мы собирались не на умных животных, а на людей. Как я понял племя остро нуждалось в рабах, способных выполнять работы для которых у гоблинов не приспособлены руки.

Воины, которых набралось более шести десятков, расположились в овраге, в десяти метрах от лесной дороги, назначив пару гоблинов следить за ней, среди этих гоблинов был и я.

Наконец, я увидел облако пыли, и поспешил к оврагу.

- Вождь, по дороге кто-то едет.

- Посмотри, кто там, Ругур, - обратился Вождь к чародею.

Старый гoblin с лицом, напоминающим из-за морщин печеный картофель, пожевал что-то беззубым ртом, закрыл глаза и только через пару минут соизволил ответить:

- Четыре телеги, в каждой по двое, и ещё пятеро верхом, из которых трое неплохие воины, все люди.

- Эта добыча нам не по зубам, подождем следующую, возвращайся к дороге, Урбагар.

"Интересно, почему Вождь побоялся напасть? - Думал я, возвращаясь к наблюдательному пункту. - Каждый гoblin может легко поднять, вдвое больше чем весит сам, и физически мы не уступаем людям, не смотря на размеры. Их всего тринадцать, нас почти в пять раз больше, неужели эти "неплохие воины" настолько хороши, что способны справиться с такой толпой, или Вождь боится потерь? Маловероятно, я не раз видел возвращение воинов, и возвращалось их всегда меньше чем уходило, и на потери никто никогда не обращал внимания."

Вернувшись к месту своей засады, я поднял оставленные мной относительно круглые камушки и принялся катать их на манер китайских шариков. Меня совсем не устраивала подвижность моих пальцев, и я недавно принялся развивать их гибкость.

В последующие трое суток по дороге проехали ещё несколько караванов, но Вождь каждый раз запрещал нападать на них, опасаясь охраны. Наконец на четвёртый день Вождь дождался подходящей цели.

- Пятнадцать разумных, в основном люди, две телеги запряженные быками, лошадей нет

совсем. Только один воин, хороший воин, человек.

- Готовимся к нападению, ничего лучшего нам не найти. - Прорычал вождь.

Я наблюдал за караваном каких-то оборванцев и испытывал смешанные чувства. Нельзя сказать, чтобы я был хорошим человеком в прошлой жизни, и убивать мне приходилось не раз, но эти люди вызывали у меня гораздо больше симпатии, чем соплеменники. Если бы я был уверен в своем выживании в людском обществе, я ушел бы по этой дороге ещё в первый день засады.

Люди выглядели усталыми и измученными, лишь их предводитель - молодой широкоплечий парень со шрамом через левую щеку, выбивался из общей массы, вооружен он был тупым ржавым двуручником. Выбрав его своей основной целью, я успокоился, замедлив сердцебиение, и приготовился метнуть копье в горло.

И вот наконец, пытка ожиданием закончилась. Из леса вылетает серое облачко, увеличиваясь по мере полета, мгновение и оно накрывает всю колонну. Несмотря на серый цвет, это облако непостижимым образом было прозрачно, позволяя видеть всё происходящее с людьми. Люди и даже быки начали падать там, где они стояли, на миг мне показалось, что наш чародей справился с колонной в одиночку, но вот тот парень со шрамом, который так и не упал, перестал качаться, выпрямился, прокричал что-то злобное и бросился в сторону, откуда прилетело облачко. Я сразу метнул своё копье, и уже через миг после броска знал - я попал точно в шею, следующее копье я доставал на одних рефlekсах, будучи абсолютно уверенным в смертности первого броска. Каково же было моё удивление, когда я увидел, как копье способное обезглавить оленя отлетело от шеи человека, оставив лишь царапину, которая даже не кровоточила. Спустя секунду, в парня полетели копья остальных гоблинов, почти все они достигли своей цели, но попадания моих соплеменников также оказались бесполезны. Из леса в воина полетел огненный шар, это явно было творение Урага, ученика нашего чародея, Ураг очень гордился умением метать такие шары, его учитель Ругур предпочитал более сложные заклинания, а больше в племени колдовать никто не умел. Когда шар размером с голову быка врезался в грудь воину, тот отлетел на пять метров, разбив своей спиной одну из телег. Но, к моему небывалому изумлению, человек поднялся, отряхнулся и побежал в сторону лучших воинов племени, уже вышедших из леса и сбившихся в подобие строя. О недавнем полёте свидетельствовала лишь небольшая дыра в кожаной одежде парня, через эту дыру был виден маленький ожог, диаметр которого был вдвое меньше дырки. Поняв, что ещё мгновение и этот неуязвимый воин размахивает лучшими бойцами нашего племени, я отбросил зажатое в руке охотничье копье и вытащил из наспинной торбы единственное боевое, оно имело узкий наконечник в отличие от широкого охотничьего срезья. Я не зря столько времени отрабатывал броски копий, практически не целясь, навскидку, я попал именно туда куда целился, узкое жало закончило полет точно в глазу у человека. То упал, но невероятным образом вновь остался жив, и когда воин поднялся, я в шоке наблюдал красный глаз явно способный видеть. Секунда и человек врывается в ряды воинов племени, он разбрасывает их как игрушки и только плотный строй не даёт гоблинам, попавшим под удар, улететь в сторону, а ответные удары топоров и булав гоблинов, казалось, не наносят человеку никакого вреда, лишь самые сильные удары заставляли его отступить на несколько шагов. К счастью избиение быстро закончилось, из того места где прятался наш чародей, неторопливо вылетел зелёный полупрозрачный шар, столкнувшись с человеком этот шар не стал взрываться а обтёк тело воина, застывшего на месте. Прошла пара секунд, за которые гоблины успели отбежать от воина на десяток шагов, прихватив всех раненых и мёртвых товарищей. И вот зелёная прозрачная субстанция, охватившая воина, пошла волнами и начала втягиваться в тело, причем втягивалась она именно в тех местах, где воин получил хоть какие-то повреждения, сам человек начал как-то медленно и плавно размахивать руками. Через пару секунд вся

зелёная жидкость ушла под кожу воина, а он сам уже катался по земле и выл. Его агония продолжалась где-то полминуты, через которые он затих, а его тело начало дымиться. Ещё пара мгновений и из мелких порезов мертвеца начала сочиться зелёная гадость, которая стекая по коже, разъедала плоть. Меня бы вырвало от этого зрелища, но, наверное, у гоблинов не было рвотного рефлекса.

- Чего застыл Урбагар? - Спросил, вставая, соплеменник, лежавший в двух шагах от меня. - Бой закончен. А чародей усыпил людей ненадолго, нужно чтобы они очнулись уже в верёвках, так с ними проще говорить.

Бросив взгляд на дорогу, я увидел, что самые шустрые гоблины уже суетятся возле неподвижных людей, связывая их веревками по трое.

- А когда остальные люди очнутся, они нас не отделают? - Спросил я, догоняя старшего товарища.

- Так нас вон сколько, и все при оружии, а они безоружны и связаны будут.

- Этот вон, чуть всё племя в одиночку не перебил, - я кивнул в сторону воина-человека, от которого остался лишь скелет в луже зелёной гадости. - Думаю, он бы любые веревки порвал, да и голыми руками многих бы поубивал. Или у него были какие-то амулеты или эликсиры.

- А-а-а, это же твой первый бой с людьми. Этот парень был воином, а те, кого мы вяжем, обычные крестьяне, каждый из них не сильнее гоблина, и вяжем мы не от того что их опасаемся, а чтобы потом не пришлось за ними гоняться. И не было у этого человека никаких амулетов и эликсиров, просто он был хорошим воином. Не бойся, на сегодня бой закончился.

"Если этот монстр был обычным человеком, то кем я был в прошлой жизни? Надо придумать, чем подмаслить чародея, он вроде не глуп и знания у него большие, возможно он сможет объяснить мне, что это был за воин."